

Адрес статьи / To link this article: <http://cat.ifmo.ru/ru/2020/v5-i2/239>

Трансформация политики архитектурно-городских медиа: от суверенной власти к политике безопасности цифровых технологий города

Л.Ю. Яковлева

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Россия

jakovleva.ljubov@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается медиафилософская интерпретация цифровых технологий управления пространством городской среды. Исследуется политическое измерение архитектурно-городского пространства во взаимодействии с цифровыми медиа; влияние современной политики безопасности на жизнь и чувственность человека. Цифровые медиа, пространство города и архитектура представлены в качестве различных форм медиа, форм опосредования жизни человека. На основе концептуального аппарата философии М. Фуко анализируются политические модели управления телом и жизнью человека при помощи городского планирования и архитектуры с XVII по XIX века. Прослеживаются изменения устройств пространств суверенной, дисциплинарной и биополитической власти. Рассматривается роль символического измерения в архитектуре XVII века; зарождение дисциплинарных практик и их влияние на логику городского пространства XVIII века; возникновение биополитического безопасного пространства города и архитектуры в XIX веке. Безопасность описывается в качестве центральной стратегии управления городом в современности. Открытая модель архитектурного пространства, динамичность городского развития наряду с развитием статистики описываются в качестве основных медиасредств по обеспечению политики безопасности. Подчеркивается возрастающая роль сбора данных о населении, его жизни и смерти как элементов политики безопасности в городской среде. Проблематизируется постепенное сращение естественных процессов природы, природы человека и искусственных техник и средств управления при помощи архитектуры, городского планирования и статистики. В статье акцентируется внимание на возникновении статистики, демографии и картографии социальных процессов в XIX веке как предпосылок сбора данных при помощи цифровых технологий. Продемонстрирована дальнейшая трансформация архитектуры города в переплетении с цифровыми технологиями. На примере проекта «Де-эскалация» проанализировано понятие С. Маккуайра «геомедиа», поясняющего одновременное существование физических и нефизических слов городских медиа. Выдвинуто предположение о дальнейшем развитии биополитики и политики безопасности как более глубоком проникновении в психику, эмоции и телесную жизнь человека посредством цифровой обработки данных. Выявлена необходимость медиафилософского подхода в выработке критической позиции по отношению к пространствам безопасности.

Ключевые слова: биополитика, медиафилософия, архитектурно-городское пространство, безопасность, дисциплинарность, символизация, геомедиа

Введение

Пространство современного города пронизано многообразием цифровых технологий управления жизнью населения. Взаимодействие города и цифровых технологий описывается, как правило, в рамках концепций «умного города». Одной из главных проблем в данной области выступает недостаток рефлексии, критического взгляда на способы политического управления городским пространством при помощи цифровых технологий [1, с. 185; 2]. Какими правами обладает человек, предоставляющий собственный образ тысячам камер, как только он окажется на улице? Каким образом осуществляется властное управление данными, которые получают при помощи систем геолокации или технологий сбора биометрических данных? В этой связи целью предлагаемого исследования выступает прояснение логики политических стратегий в управлении городской средой при помощи цифровых технологий. Для ответа на вопрос о политических стратегиях медиа необходимо: 1) предложить интерпретацию пространственных моделей власти и политического управления на основе философии М. Фуко; 2) раскрыть политические механизмы управления тканью города посредством политики безопасности цифровых медиа; 3) представить критический анализ политик медиа.

Прежде чем приступить к решению поставленных задач, необходимо выделить ряд направлений в исследованиях умного города, существующих на данный момент. К важнейшим теориям умного города следует отнести теорию экономического роста или «умного роста» (англ. *smart growth*). Данная концепция была предложена представителями течения Нового урбанизма (1980-е годы) и предполагала сокращение бесконтрольного роста городской территории, рост пешеходных зон, улучшение экологической среды, разнообразие жилья и других транспортных и градостроительных мер, направленных на улучшение качества жизни человека [3, 4, 5]. Второе направление — это «...концепция «интеллектуального города» (англ. *intelligent city*), построенная на соединении возможностей индивидуального, коллективного и искусственного интеллекта благодаря информационным и коммуникационным технологиям. «Интеллектуальный город... должен стать инновационным, креативным и инвестиционно привлекательным пространством» [6, р. 122–123]. Наряду с урбанистическими позициями, позитивно оценивающих внедрение технологий для эффективного развития города и улучшения жизненной среды человека, существует критическая линия рассмотрения умного города как неолиберальной модели управления обществом. Критики концепции умного города подчеркивают, что «процесс цифровизации, встроенный в неолиберальную логику, усиливает дедемократизацию и формирует технократическую систему управления, нацеленную на нерегулируемое извлечение прибыли, при этом игнорирующую негативные социально-экономические последствия [7, 8, 9].

Несмотря на то, что анализ неолиберальных интересов в использовании цифровых технологий отчасти проливает свет на политические проблемы умного города, требуется более глубокая интерпретация политических аспектов управления человеком в городской среде посредством цифровых медиа. В этой связи возникает необходимость обращения к медиафилософскому дискурсу осмысления проблемы, позволяющему дать более широкую картину взаимодействия телесности, образа человека с пространством архитектурно-городской среды, ее цифровыми медиа и властными механизмами управления телом населения. Специфика медиафилософского подхода заключается в том, что он рассматривает в качестве медиа не только цифровые технологии, но и саму архитектуру городского пространства, которое переплетается с такими медиасредствами как тело, речь, письмо, образ, жилье. Так, уже М. Маклюэн обратился к рассмотрению жилья как особого медиа, которое является средством коммуникации, осуществляет «контроль тепла» и «делая тепло и энергию социально доступными для семьи или группы... благоприятствует развитию новых умений» [10, с. 142]. Современный немецкий теоретик медиа В. Шеффнер, как и Маклюэн, обращается к проблеме архитектуры как медиа и выделяет функции «открытия» / «закрытия» (*Öffnung / Schließung*), придающие единство зданию, обеспечивающие его связь со средой города [11]. Немецкая исследовательница медиа Г. Шабахер, вслед за Ф. Китлером [12], проблематизирует нерепрезентируемость, ускользания целостности архитектурно-городской медиальности от объективации и описания: незримости городской инфраструктуры, незримости «путей сообщения или теплопроводов и канализационных линий» [13, с. 81].

Благодаря тому, что архитектура, городское пространство и цифровые технологии становятся различными формами медиа, мы можем проследить более глубокие предпосылки формирования культурной парадигмы умного города до существования цифровых технологий. Медиафилософская постановка проблемы политических стратегий архитектурно-городских медиа предполагает ответ на вопрос: является ли архитектурно-городское пространство конца XX–XXI веков лишь средством, которое транслирует определенные политические установки, или само пространство города в его взаимодействии с цифровыми медиа оказывают влияние на политические решения? Можно ли говорить о формирующихся цифровых политиках архитектурных медиа, управляющих чувственностью и жизнью человека? Для ответа на поставленные вопросы и задачи мы обратимся к истории властных моделей пространства в интерпретации М. Фуко.

1. Политика архитектурных медиа в философии М. Фуко

Философия М. Фуко играет важную роль для философской рефлексии архитектуры в связи с повышенным интересом Фуко к анализу пространства культуры и к его историческим трансформациям. Благодаря таким работам как «Надзирать и наказывать», «История безумия в классическую эпоху», «Безопасность, территория, население», архитектура и топология города были встроены в дискурс фундаментальных философских проблем современности: в проблемы отношения политической власти к субъекту, в проблемы формирования конфигурации властного взгляда, его влияния на тело отдельного человека и населения, в проблемы соотношения жизни и смерти в различные исторические эпохи. С точки зрения Фуко, начиная с XVII века, пространства города и архитектуры встраиваются в планомерно разрабатываемый проект по распределению властного управления, становясь тем самым *техникой управления* телом и жизнью человека. Архитектура и город распределяют власть, не только ограничивая и запрещая действия человека, но предоставляя ему определенные возможности. Подобное понимание архитектуры как особой техники или *посредника* между стратегиями власти и человеком созвучно медиафилософскому подходу к медиа в качестве «условия, собирающего и соединяющего людей и проявляющего результат их усилий в формировании новой реальности» [14, с. 40].

Для раскрытия политического измерения архитектуры проследим трансформацию соотношений власть — архитектура в концепции Фуко на основе его курса лекций «Безопасность, территория, население». В данной работе М. Фуко ставит перед собой задачу рассмотреть историю и условия возникновения биополитики, которая в свою очередь сосуществует, взаимодействует или отождествляется с рядом таких феноменов, как безопасность, территория и население. Архитектура в данном отношении выступает техникой управления жизнью человека в рамках биополитического дискурса безопасности.

Биополитическому устройству пространства предшествуют пространства суверенной власти и власти дисциплинарной. Отношение суверена к пространству страны и столицы заключается в следующем: «Хороший суверен ... — это тот, кто удачно размещен в пределах некоторой территории, а территория, которая хороша в качестве объекта властного воздействия со стороны суверена, — это та, что не имеет изъянов в плане своей пространственной композиции» [15, с. 31]. Именно поэтому территория наделяется, прежде всего, символическим смыслом: столица должна занимать место центра, а страна должна иметь кругообразную форму. Посредством символического расположения подлинное место суверена будет обеспечивать более эффективное управление экономическими благами. Как территория в целом, так и функция архитектурных построек еще не является политическим медиа или техникой управления, но наделяется символической значимостью: «Прежде искусство строить отвечало главным образом на потребности проявлять власть, божественность, силу. Главными формами здесь были дворец и церковь, к которым надо также добавить и укрепления, ибо так проявлялось могущество, так выражали суверенность, так отображали Бога» [16, с. 223].

Функция символизации по-прежнему встречается и в современной архитектуре. Так, высотные здания и небоскребы с начала XX века и по настоящее время отчасти сохраняют символическую константу Вавилонской башни, в которой благодаря высоте здание наделяется достаточно прозрачной, но невероятно устойчивой символикой власти. Тем не менее, даже для

понимания политики архитектурного пространства небоскребов мы не сможем ограничиться их символическими манифестациями, но с неизбежностью должны будем обратиться к проблемам взаимодействия городской среды, информационных потоков, экологии города и образов в отношении к отдельным высотным постройкам. Это свидетельствует о том, что главенствующая роль символизации, в той степени какой нам ее предъявляет XVII век, безвозвратно утрачена.

На смену репрезентативной роли архитектуры в жизни государства приходит дисциплинарная топология города и архитектурных строений. В отличие от символической функции, дисциплинарная топология гораздо ближе современному пониманию пространства, она частично сохраняется в таких местах как школы, тюрьмы, больницы. Ее прототипом, с точки зрения Фуко, выступает римский военный лагерь — расчерченная на отдельные сегменты территория, закладываемая для будущего города на пустом месте в качестве идеальной нормы. Метафора лагеря используется Фуко, чтобы продемонстрировать, как идеология проектирует на расчищенном месте собственное подвластное ей пространство, которое должно быть максимально эффективным для извлечения из него прибыли. Город в таком пространстве перестает быть лишь символическим заместителем суверена, но становится четко продуманной техникой управления, дисциплинарным медиа.

Пространство начинает размечаться с большей тщательностью, улицы прокладываются с целью создания условий для успешного обращения капитала, а также с целью соблюдения социальных различий. Для этого, например, строго рассчитывается ширина улиц, которые в области рынка проектируются намеренно более узкими для более тесного скопления народа. Как тело города рассчитывается и рассекается для управления его процессами, так и тело индивида начинает рассекается в связи с теми или иными дисциплинарными практиками, глубоко проникающими в его интимную жизнь. «...Власть в эту эпоху от ярких символических проявлений и подтверждений своего могущества переходит к постепенной, методичной и систематичной, мелочной и кропотливой работе над телами своих подчиненных. Именно они становятся объектами и целями власти. Их требуется превратить в “послушные тела”» [17, с.63]. Так архитектура перестает быть символом, но становится техникой управления телом индивида, которое становится запертым в закрытых пространствах. Наиболее показательным примером дисциплинарных пространств стали тюрьмы, устройство которых было описано Фуко при помощи модели тюрьмы из труда И. Бенгтама «Паноптикум» (рис. 1), давшие толчок к появлению целого ряда феноменов, получивших собирательное название «паноптизм». «Формируется особая архитектура, направленная на создание условий для непрерывного иерархического надзора за помещенными в дисциплинарное пространство телами. Так, для тюремной архитектуры становится уже недостаточно толстых стен, предназначенных для изоляции: такая архитектура призвана обеспечить возможность непрерывного, детального, но невидимого контроля. Этой цели служат тщательно высчитанные окошечки, глазки, коридоры и переходы» [17, с. 72].

Здесь мы видим, как архитектура и пространство города приобретают функцию контроля при помощи заранее заданной модели или нормы. Как подчеркивает Фуко, изначально изобретается норма, и далее в соответствие с этой нормой пространство и тело рассекаются, расчленяются на различные сегменты, каждый из которых должен выполнять надлежащую функцию. «Дисциплинарная разбивка» [15, с. 8] проявляется в расчерченной сетке города, в четко устроенной модели надзора в паноптикуме, в рассчитанных дисциплиной эффективных действиях солдата, в действиях школьников, поднимающих руку на поставленный вопрос и сидящих прямо и неподвижно в отведенное для них время.

Дисциплина продолжает играть важную роль в организации пространства, однако в XVIII веке возникает сеть властных техник, которые начинают вытеснять дисциплинарность на задний план. На смену дисциплинарным техникам управления приходит биополитика, целью которой выступает безопасность, а не дисциплина. Под биополитикой Фуко понимает «...попытки рационализации, начиная с XVIII в., проблем, ставившихся перед практикой управления, феноменами, присущими единствам людей, или населению — такими феноменами, как здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, расы...» [18, с. 151]. Биополитика гораздо глубже проникает в тело человека, поскольку начинает с большей тщательностью исследовать как природу в целом, так и природу жизни человека. В биополитической топологии замкнутые пространства уступают место открытым, динамическим, неустойчивым пространствам городов. Если наиболее показательным примером дисциплинарной власти выступали тюрьмы, школы и

больницы, то именно логика управления и проектирования городов демонстрирует идею безопасности.

Рис. 1. Тюрьма Пресидо Модело, построенная по модели паноптикума Бентама, о. Пинос
Источник: I, Friman, [CC BY-SA 3.0, URL: <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=2410607>]

Стремление к созданию безопасной территории является результатом фундаментальных изменений в экономике, науке и распределении властного управления индивидами. Прежнее иерархическое отношение между искусственной нормой и естественностью живого тела, между идеальной, искусственной моделью города и его реализацией утрачивает прежнюю силу. Территория города становится предметом интереса как естественный организм, который склонен к болезням, отклонениям и постоянному изменению. В этом отношении его пространство начинает рассматриваться как зона риска и зона повышенной опасности, а властные механизмы должны быть направлены на стабилизацию внутренних процессов, на избежание серьезных отклонений в жизни города, на достижение внутреннего баланса. Подобная стабилизация становится возможной только в том случае, если властный взгляд откажется от тотального контроля над каждым отдельным телом или местом города и будет учитывать относительное равновесие изменчивой системы.

На такой территории естественность процессов должна учитываться, рассчитываться, регистрироваться и как бы предоставляться самой себе. Логика распределения такой власти основана на имплицитной подмене естественности жизни человека и города и естественности самих же властных механизмов. Взгляд власти перестает быть иерархически доминирующей нормой, не принимающей во внимание все возможные отклонения организма и городской среды. Для того чтобы предотвратить риски эпидемий, чрезмерного роста криминальных случаев, повышенного уровня смертей, а также рассчитать возможные риски, которые неизбежны для быстрорастущих городов уже недостаточно идеально рассчитанной территории, не учитывающей изменчивости городского пространства: «безопасность не распространяется на фиксированное состояние, но относится к серии будущих событий» [19, с. 52].

Более тонкие механизмы подсчета в виде статистических данных рождаемости и смертности, развитие картографии для изображения зараженных местностей или неблагополучных, бедных районов, направленные на обеспечение безопасности, могут быть

проинтерпретированы в качестве первых проявлений «больших данных» в XIX веке (рис. 2). Несмотря на то, что в этот период истории еще было невозможно говорить о цифровизации пространства, формируется культурная парадигма, которая закладывает условия для появления современных цифровых технологий, применяемых XX веком. Вместе с вычислительными техниками регистрации различных жизненных и природных процессов в пространстве города, тело каждого отдельного индивида утрачивает прежнюю роль для политического управления. Ему на смену приходит население, которым управляют не дисциплинарные практики, а биополитика.

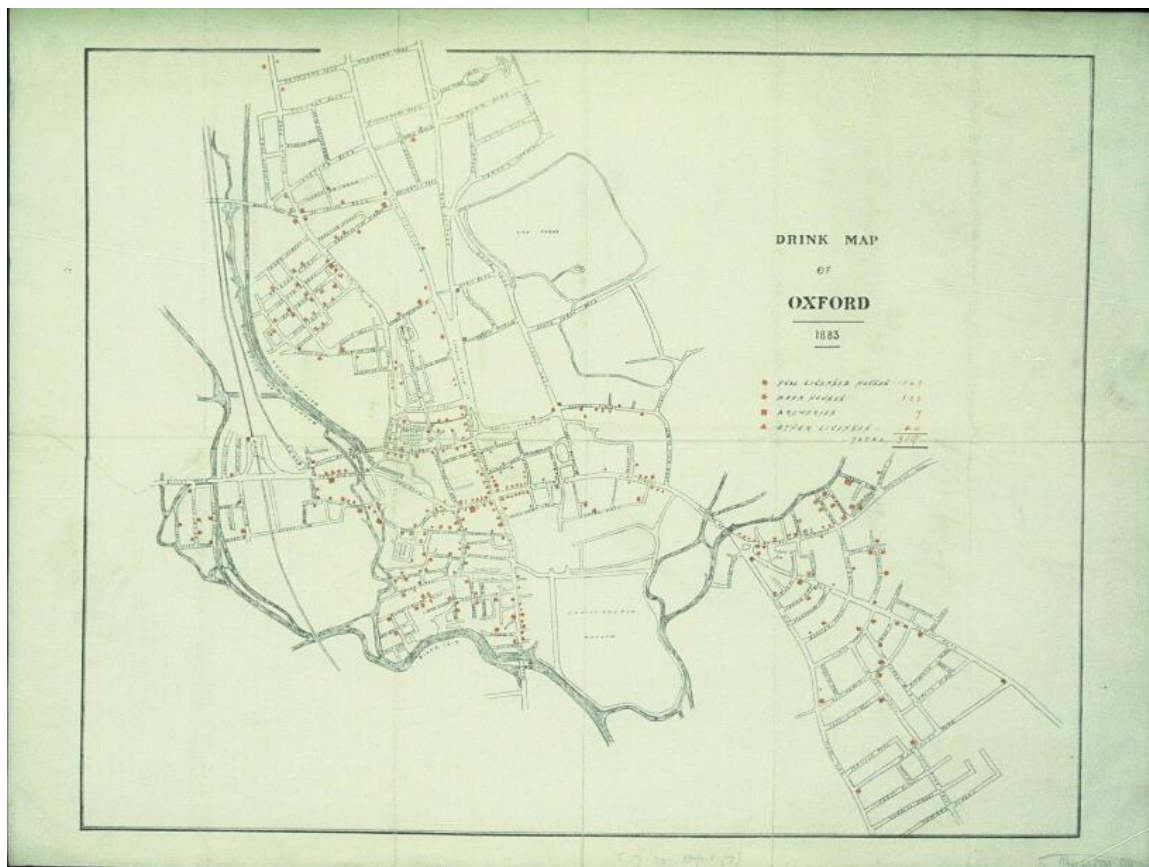

Рис. 2. Карта Оксфорда с пивоваренными заводами и лицензированными пабами, опубликованная Оксфордским союзом надежды и умеренности и предназначенная, в том числе для контроля уровня алкоголизма на территории города.

Источник: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bodleian_Libraries_Drink_Map_of_Oxford_1883.jpg, Committee of the Oxfordshire Band of Hope and Temperance Union [publisher]

Население в понимании Фуко представляет собой множество индивидов, которые «существенно, на биологическом уровне связаны с окружающей их материальностью» [15, с. 40]. Для осуществления этого влияния, с точки зрения М. Фуко, было необходимо изобретение такого феномена, как «среда»: «...среда... есть то, в чем осуществляется обращение. Она представляет собой набор естественных (реки, болота, холмы) и искусственных (скопление индивидов, скопление домов и т.п.) данностей» [15, с. 39]. С формированием, облагораживанием среды в сферу интересов биополитики входят климатические проблемы, управление состоянием природных процессов и одновременно состоянием здоровья населения, его репродуктивной системой, здоровьем. Население и условия его существования составляют единое материальное поле, которое регулируется, рассчитывается и поддерживается различными политическими техниками. Городское пространство становится одним из важнейших властных средств управления или медиа, поэтому приобретает значение максимально точный расчет его размеров, освещенности, расположения жилого пространства, оказывающего непосредственное влияние на продолжительность жизни, гигиену, состояние здоровья индивидов. Как показал исследователь архитектурной концепции М. Фуко Свен-Олов Валленстайн, модель архитектуры безопасности, описанную Фуко, можно отчасти применить к постройкам XX века, а именно к зданиям

Ле Корбюзье. Как и город в целом, архитектура «стала открытой другим дисциплинам и формам знания... Газ, вода, воздух и свет являются внешними переменными, которые пронизывают дом и вписывают его в гораздо более широкую логику сети» [20, р. 394]. Как тело индивида уступает телу населения, идеальная модель динамике открытого города, так и жилое пространство здания встраивается в серию вероятностей, начинают учитываться циркуляция воздуха, подача воды, доступ к свету и другим переменным.

2. Политика безопасности в цифровом пространстве города

С целью описания дальнейшей трансформации техник безопасности, которые сохраняют центральное значение для современности, мы обратимся к тенденциям, свойственным пространствам безопасности городской среды в XXI веке. Несмотря на то, что безопасность в рамках исследований биополитической власти является хорошо изученным феноменом, техники безопасности городской среды и архитектуры в рамках философского дискурса остаются не достаточно исследованной проблемой. Среди авторов, представивших философское освещение данной проблемы, следует упомянуть С.-О. Валленстайна [19, 20], Л. Станека [21], М. Шуленбурга и Р. Петерса [2]. Особого внимания заслуживает статья М. Шуленбурга и Р. Петерса «Умные города и архитектура безопасности: пастырская власть и сценарий проектирования общественного пространства». Поскольку в городской среде главенствующую роль в реализации управления посредством техник безопасности выступают цифровые технологии, нидерландские авторы сосредотачивают внимание на политическом измерении дигитального пространства города. В данной статье авторы приходят к выводу, что архитектура власти «является неощутимой и внедряется в существующее окружение построек и действует скорее посредством психологических триггеров, а не физических» [2], в отличие от архитектуры символической или дисциплинарной.

Во второй половине XX начале XXI века в архитектуре преобладает «ориентация ... на аффекты, как бы не утверждающие никакой политической идеи, но задевающие чувство любопытства масс..., аффекты — возможность камуфляжа высказывания. Это внутренняя позиция архитектора. Это его запрос самому себе в условиях скрытого давления биополитики» [22, с. 116]. Если сама архитектура дистанцируется по отношению к биополитике, то «идеология» безопасности реализуется посредством незримых цифровых медиа. В качестве примера такой «неощутимой» архитектуры власти, направленной на безопасность горожан М. Шуленбург и Р. Петерс приводят проект города Эйнховена «De-escalate» (де-эскалация). Главная цель проекта — обеспечить безопасность, снизить уровень преступности и криминальных случаев на самой посещаемой улице города — Стратумсейнд. Для осуществления цели авторы проекта используют различные типы освещения, управляемые цифровыми технологиями и опираются на исследования психологии, раскрывающей зависимость между эмоциональным состоянием людей и видами освещения (рис. 3). Более того, применяется «специальное измерительное оборудование, которое проверяет воздействие света, запаха и звуковой манипуляции агрессией... Фонари были оснащены Wi-Fi-трекерами, камерами видеонаблюдения, датчиками и микрофонами, которые могут выявлять агрессивное поведение и предупреждать полицейских о ссорах» [2]. Подобный сбор данных демонстрирует, насколько цифровые медиа управляют пространством города и преподносятся в качестве средств безопасности. Тем не менее, и на это указывают Шуленбург и Петерс, безопасность является политическим феноменом, она поддерживается неолиберальным дискурсом, который заинтересован в поддержании большого количества посетителей как важнейшего экономического ресурса. Такая политика не идет по пути дисциплинарного исключения и ограничения, но, напротив, предполагает «естественность» роста посетителей.

Чувственность «вплетается» таким образом в пространство города посредством цифровых медиа, выступая ресурсом для обработки данных о населении, коренным образом связанных с запросами биополитического управления жизнью человека. Незримые цифровые медиа сосуществуют с физическими «плотными» медиа архитектурных построек, образуя тем самым многослойность городского пространства. Данная «горизонтальная» модель была проблематизирована медиаторетиком С. Маккуайром в рамках его концепции «геомедиа». Маккуайр критикует подход Л. Мановича и Маккалоу к цифровым медиа как дополнениям к реальности, надстраивающимся над слоем материальных носителей. С его точки зрения мы живем

в эпоху «...перекалибровки того, что мы называем физическим, материальным, телесным...» [23, с. 89]. Не цифровые медиа становятся дополнением к уже существующей реальности физических носителей, но физически осязаемое пространство становится одной из опций нашего местопребывания, рассеиваемого в потоке управляемых данных. Подобная постановка вопроса поясняет логику функционирования механизмов управления телом в рамках вышеописанного проекта «Де-эскалация», который переплетает конкретную плотность обычных зданий и физических составляющих в виде освещения, звука и запаха в их взаимодействии с цифровыми механизмами контроля и безопасности.

Рис. 3. Световые сценарии проекта De-escalate, ул. Стратумсейнд, г. Эйндховен, Нидерланды.

Источник: URL: <https://www.tue.nl/en/research/research-institutes/top-research-groups/intelligent-lighting-institute/infrastructure/stratumseind/>

Отталкиваясь от описания примера взаимодействия цифровых технологий и архитектурно-городского пространства как важнейшего медиа по управлению чувственностью, следует отметить, что архитектурное пространство и городская среда продолжают выполнять функцию биополитического контроля населения. В этом отношении, можно выдвинуть предположение, что цифровое архитектурно-городское пространство принадлежит порядку дискурса безопасности, но не является ее основанием. При описании цифровых медиа необходимо учитывать их историческое измерение и ту логику в управлении пространством, которую мы можем проследить вплоть до XIX века. Тем самым мы избежим цифрового медиафундаментализма и обнаружим истоки осуществления власти архитектурно-городских медиа задолго до конца XX века.

В то время как политика цифрового города уходит своими корнями в прошлое, специфика ее управления населением дает о себе знать, насколько далеко распространяется такой тип властного контроля и каковы возможности человека для критического отношения к «заботе» о его безопасности. Биополитика распространяется гораздо глубже поверхности тела, проникая в мышление, микрореакции глазной сетчатки, регулируя перепады настроения. Как подчеркивает шведский философ С.-О. Валленстайн: «Визуальное искусство, архитектура, реклама и средства массовой информации в целом могут рассматриваться как часть одного и того же процесса, в результате которого наши умы «формируются» для достижения новых уровней действий и

реакции» [19, с. 55]. Подобное глубокое проникновение, вращение цифровых медиа в архитектурно-городское пространство и жизнь человека возвращает нас к актуальности медиафилософского подхода, позволяющего критически переосмыслить истоки цифровым технологиям в городской среде и проследить этапы трансформации современных медиа.

Заключение

Анализ пространства архитектуры и города как особых медиа, обладающих политическим измерением, показал их принадлежность к биополитическим техникам управления населением. Концепция биополитики М. Фуко помогла выявить трансформации в соотношении властного управления и архитектурой города. Если до XVIII века архитектура играла символическую роль в организации пространства, то к XVIII веку она приобретает центральное значение для осуществления дисциплинарного контроля. Архитектура, став техникой и медиа по управлению телом и жизнью человека, претерпела ряд изменений и к XIX приобрела статус биополитической техники контроля. Так была заложена логика современной организации пространства, ориентированной на сбор данных о населении для более сложных механизмов управления изменяющимся и растущим пространством городов. Закрытые пространства стали играть подчиненную роль по отношению к открытой топологии города и здания, коренным образом связанными с природными процессами среды и тела человека. Дальнейшее развитие биополитики медиа, направленной на обеспечение безопасности жизни, было продемонстрировано на примере взаимодействия между цифровыми медиа и физическими медиа архитектурно-городского пространства. В качестве вывода было выдвинуто предположение, что цифровое городское пространство развивает и усиливает логику биополитики, осуществляя более тотальное проникновение в жизнь человека. В данном отношении, медиафилософский подход к реальности архитектурных медиа позволяет выявить принадлежность медиа к дискурсу безопасности и выработать критическое отношение к политикам медиа.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00414 А «Политики медиа».

Литература

- [1] Балаян, А. А., & Томин, Л. В. Социально-политические эффекты цифровизации: к дискуссии о проектах «умных городов»// Публичная политика, 2019. №1. С.181-191
- [2] Schuilenburg, M., Peeters, R. Smart cities and the architecture of security: pastoral power and the scripted design of public space// City Territ Archit 5, 2018. Vol. 13, <https://doi.org/10.1186/s40410-018-0090-8>.
- [3] Miller, J. S., & Hoel, L. A. The “smart growth” debate: best practices for urban transportation planning// Socio-Economic Planning Sciences. 2002, № 36(1). P. 1-24
- [4] Vanolo A. Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy// Urban Studies. Vol. 51. N 5., 2014, P. 883–898.
- [5] Batty M, Axhausen KW, Giannotti F, Pozdnoukhov A, Bazzani A, Wachowicz M, Ouzounis G, Portugali Y. Smart cities of the future. Eur Phys J. Special Topics 214. 2012. P. 481–518. DOI: 10.1140/epjst/e2012-01703-3
- [6] Komninos N. Intelligent Cities and Globalisation of Innovation Networks. London. NY: Routledge. 2008. 320 p.
- [7] Hollands R. G. Will the real smart city please stand up?// City. 2008, № 12(3). P. 303–320
- [8] Kitchin R. The real-time city? Big data and smart urbanism. Geo Journal. 2014, №79(1). P. 1–14
- [9] Morozov E, Bria F. Rethinking the Smart City. Democratizing urban technology. New York: Rosa Luxemburg Stiftung: New York Office. 2018. URL.: http://www.rosalux-nyc.org/wp-content/files_mf/morozovandbria_eng_final55.pdf. (дата обращения: 28.05.2020).
- [10] Маклюэн М. Понимание Медиа. Внешние расширения человека. М., Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
- [11] Kittler F. A., Griffin M. The City Is a Medium // New Literary History, Literature, Media, and the Law. 1996. Vol. 27. № 4. P. 717-729.
- [12] Schabacher G. Unsichtbare Stadt. Zur Medialität urbaner Architekturen // Zeitschrift für Medienwissenschaft. Medien/Architekturen. 2015. Heft 12. S. 79-90.
- [13] Schäffner W. Elemente architektonischer Medien // Zeitschrift für Medien- und Kulturforschung. 2010. № 1. S. 137-149.
- [14] Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб: Издательство РХГА, 2013. 350 с.

- [15] Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб: Наука, 2011. 544 с.
- [16] Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. Ч. 1. С. 220-249.
- [17] Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001. 240 с.
- [18] Фуко М. Рождение биополитики // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. Статьи и интервью, 1970-1984. С. 151-161
- [19] Wallenstein, S.-O. Noopolitics, Life and Architecture// Hauptman D., Neidich W. (eds). Cognitive Architecture. From Biopolitics to to Noopolitics Architecture & Mind in the Age of Communication and Information. Rotterdam: 010 Publishers, 2010, p. 46-60.
- [20] Wallenstein S.-O. Foucault and the Genealogy of Modern Architecture // Wallenstein S.-O. Essays, lectures. Stockholm: Axl Books, 2007. P. 361-404
- [21] Stanek, L. Biopolitics of Scale: Architecture, Urbanism, the Welfare State and After// Stanek, L., Wallenstein, S.-O. Nilsson, J. (ред.). The Politics of Life.: Michel Foucault and the Biopolitics of Modernity. Stockholm: Iaspis. 2013. pp. 106-20
- [22] Добрицына И.А. Путь к архитектуре аффектов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 1 (11). С. 105–119. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-1-105-119.
- [23] Маккуайр С. Геомедиа. М: Strelka Press, 2018.

Transformation of Architectural and Urban Media Politics: from the Sovereign Power to Security Politics of the Digital Technologies of the City

L.Iu. Iakovleva

University of the Humanities and Social Sciences, Russia

Abstract. The article proposes a mediaphilosophical interpretation of digital technologies for managing the space of the urban environment. The political dimension of the architectural and urban space in interaction with digital media is investigated; the impact of modern security policies on human life and sensuality is analyzed. Digital media, city space and architecture are presented as various forms of media, forms of mediation of human life. Based on the conceptual apparatus of the philosophy of M. Foucault, the political models of controlling the body and human life are analyzed using urban planning and architecture from the XVII to the XIX centuries. Changes in the configurations of spaces of sovereign, disciplinary and biopolitical power are analyzed. The article considers the role of the symbolic dimension in the architecture of the XVII century; the origin of disciplinary practices and their influence on the logic of the urban space of the XVIII century; the emergence of a biopolitical security within the city space and architecture in the XIX century. Security is described as the central strategy for city management in modern times. An open model of the architectural space, the dynamics of urban development along with the development of statistics are considered as the main media for ensuring a security policy. The growing role of collecting data on the population, its life and death as elements of a security policy in an urban environment is emphasized. The gradual coalescence of the natural processes of nature, human nature and artificial techniques and means of management with the help of architecture, urban planning and statistics are being problematized. The article underlines the emergence of statistics, demography, and cartography of social processes in the XIX century as a historical background for the emergence of such cultural phenomenon as data collection using digital technologies in the XX century. The further transformation of the city's architecture in interweaving with digital technologies is demonstrated. Using the example of the De-Escalation project, the concept of S. McQuire “geomedia” is analyzed, which explains the simultaneous existence of physical and non-physical layers of urban media. An assumption has been put forward on the further development of biopolitics and security policy as a deeper penetration into the psyche, emotions and bodily life of a person through digital data processing. The need for a media-philosophical approach in developing a critical position in relation to security spaces is revealed.

Keywords: biopolitics, media philosophy, architectural and urban space, security, discipline, symbolization, geomedia.

References

- [1] Balajan, A. A., & Tomin, L. V. (2019). Social'no-politicheskie jeffekty cifrovizacii: k diskussii o proektah «umnyh gorodov». Social and political problems of digitalization: the discussion on the implementation of "smart cities. Publichnaja politika, №1. S.181-191
- [2] Schuilenburg, M., Peeters, R. (2018). Smart cities and the architecture of security: pastoral power and the scripted design of public space. City Territ Archit 5. Vol. 13, <https://doi.org/10.1186/s40410-018-0090-8>.
- [3] Miller, J. S., & Hoel, L. A. (2002). The "smart growth" debate: best practices for urban transportation planning. Socio-Economic Planning Sciences, № 36(1). P. 1-24
- [4] Vanolo A. (2014). Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy. Urban Studies. Vol. 51. N 5., , P. 883–898.
- [5] Batty M, Axhausen KW, Giannotti F, Pozdnoukhov A, Bazzani A, Wachowicz M, Ouzounis G, Portugali Y. (2012). Smart cities of the future. Eur Phys J. Special Topics 214, P. 481–518. DOI: 10.1140/epjst/e2012-01703-3.
- [6] Komminos N. (2008). Intelligent Cities and Globalisation of Innovation Networks. London – NY: Routledge. 320 p.
- [7] Hollands R.G. (2008) Will the real smart city please stand up? City 12(3):303–320
- [8] Kitchin R. (2014). The real-time city? Big data and smart urbanism. Geo Journal. №79(1). P. 1–14
- [9] Morozov E, Bria F. (2018). Rethinking the Smart City. Democratizing urban technology. New York: Rosa Luxemburg Stiftung New York Office. URL.: http://www.rosalux-nyc.org/wp-content/files/mf/morozovandbria_eng_final55.pdf.
- [10] Makl'ujen M. (2003). Ponimanie Media. Vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man]. M. – Zhukovskij: KANON-press-C; Kuchkovo pole. 464 s.
- [11] Kittler F. A., Griffin M. (1996). The City Is a Medium // New Literary History, Literature, Media, and the Law.. Vol. 27. № 4. P. 717-729.
- [12] Schabacher G. (2015). Unsichtbare Stadt. Zur Medialität urbaner Architekturen. [Invisible city. On the mediality of urban architecture]. Zeitschrift für Medienwissenschaft. Medien/Architekturen. Heft 12. S. 79-90.
- [13] Schäffner W. (2010). Elemente architektonischer Medien [Elements of architectural media]. Zeitschrift für Medien- und Kulturforschung. № 1. S. 137-149.
- [14] Savchuk V. V. (2013). Mediafilosofija. Pristup real'nosti [Media Philosophy. reality attack]. SPB: Izdatel'stvo RHGA. 350 s.
- [15] Fuko M. (2011). Bezopasnost', territorija, naselenie [Security, Territory, Population] SPb: Nauka.,. 544 s.
- [16] Fuko M. (2002). Oko vlasti [Eye of power]. In: Fuko M. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews.]. M.: Praksis.,. Ch. 1. S. 220-249.
- [17] Sokuler Z. (2001). A. Znanie i vlast': nauka v obshhestve moderna. SPb.: RHGI. 240 s.
- [18] Fuko M. (2006). Rozhdenie biopolitiki [The birth of biopolitics]. In: Fuko M. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews.]. M.: Praksis.,. Ch. 3. Stat'i i interv'ju, 1970-1984. S. 151-161
- [19] Wallenstein, S.-O. (2010). Noopolitics, Life and Architecture. In: Hauptman D., Neidich W. (eds). Cognitive Architecture. From Biopolitics to Noopolitics Architecture & Mind in the Age of Communication and Information. Rotterdam: 010 Publishers, p. 46-60.
- [20] Wallenstein S.-O. (2007). Foucault and the Genealogy of Modern Architecture . In: Wallenstein S.-O. Essays, lectures. Stockholm: Axl Books. P. 361-404
- [21] Stanek, L. (2013). Biopolitics of Scale: Architecture, Urbanism, the Welfare State and After. In: Stanek, L., Wallenstein, S-O, Nilsson, J. (ed.). The Politics of Life.: Michel Foucault and the Biopolitics of Modernity. Stockholm: Iaspis.. pp. 106-20
- [22] Dobricyna I. A. (2018). Put' k arhitekture affektov [The way to the architecture of the affect] Vestnik RGGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie».. № 1 (11). S. 105–119. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-1-105-119.
- [23] Makkujajr S. (2018). Geomedia [Geomedia]. M: Strelka Press.